

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ДМИТРИЕВА С МОСКОВСКИМИ МАСОНАМИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Е. К. Беспалова

В письме А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву от 23 декабря (год неизвестен) есть пассаж, до сих пор, кажется, не привлекавший внимания исследователей. Тургенев сообщает, что высылает Дмитриеву «стихи, петье в масонской ложе», причем особо подчеркивает: «К сим последним присокупаю одну строфу для вашего только сведения. Она неизвестна, даже и масонам, а только некоторым»¹. Известно, что Дмитриев имел значительное собрание произведений искусства, эстампов, рисунков². Из указанного письма становится очевидным, что в нем были и масонские песни. Чем объясняется их наличие: интересами коллекционера Дмитриева или же остатками тех невидимых связей, которые существовали у него с масонами?

Постановка проблемы «И. И. Дмитриев и масоны» не нова. На причастность к масонству И. И. Дмитриева указывает в своем фундаментальном труде Т. Бакунина³. Никаких указаний на источник своих сведений она между тем не приводит. В литературоведческих и справочных изданиях, посвященных исследованиям жизни и творчества поэта с середины XIX века до наших дней, сведения о связи И. И. Дмитриева с масонами отсутствуют. Г. П. Макогоненко прямо заявляет, что «масонство и его нравствен-

¹ Письма А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1867. № 4. Стлб. 639–640.

² О составе собрания И. И. Дмитриева можно прочитать в «Главах из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева (*Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой.* М., 1998. С. 384–389).

³ *Bakounine T. Le répertoire biographique des franc-maçons russes (XVIII et XIX siècles).* Bruxelles, 1940. P. 121–122.

ные искания оказались чуждыми Дмитриеву»⁴. Отсутствуют подобные сведения и в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917 гг.»⁵. А. М. Песков, автор статьи о И. И. Дмитриеве, признает, что «Дмитриев был прочно связан с традициями поэзии 18 в.», но из тех, кто оказал на поэта серьезное влияние, называет только А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова, кстати, тоже видных масонов XVIII века. А. И. Серков в энциклопедическом словаре «Русское масонство 1731–2000 гг.», перечисляя всех, о ком удалось найти различной степени достоверности сведения о связи их с орденом вольных каменщиков, имени И. И. Дмитриева также не упоминает⁶.

При исследовании этой темы нужно учитывать следующие обстоятельства. Ранняя творческая биография поэта, к сожалению, остается недостаточно изученной. Начальный период литературной жизни Дмитриева почти не документирован эпистолярными материалами (из всего сохранившегося довольно большого по объему эпистолярного наследия Дмитриева, как замечал В. Э. Вацуру, «почти полностью исчезли письма Дмитриева за XVIII век, – их сохранилось немногим более десятка»⁷). Более содержательными являются найденные после смерти поэта мемуары, при первой публикации получившие название «Взгляд на мою жизнь». Но они также отличаются краткостью, сжатостью и некоторой недоговоренностью. Прямых отсылок к связям Дмитриева с масонством в них мы не найдем. Написанные в 1825 году, записки увидели свет спустя почти сорок лет, в 1866 году, благодаря инициативе М. А. Дмитриева⁸. Сам же И. И. Дмитриев не хотел прижизненной и широкой огласки содержания своих мемуаров и даже составил очень небольшой список особо доверенных лиц, которые допускались к ознакомлению с ними.

После выхода в свет книги «Взгляд на мою жизнь» на нее появились многочисленные рецензии и отклики. Так, например, историк М. П. Погодин находил записки Дмитриева «при всем их достоинстве, слишком сжатыми, краткими и сдержанными»⁹. Рецензент «Книжного вестника» отме-

⁴ *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 12.

⁵ *Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 122–125.

⁶ *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000 гг. : энциклопедический словарь. М., 2001.

⁷ И. И. Дмитриев [Письма] / Публ. В. Э. Вацуру // *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980. С. 437.

⁸ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866.

⁹ *Погодин М. П.* Вечера у И. И. Дмитриева // *Русский. Газета политическая и литературная.* 1868. № 7 (9 июля).

чал, что «точка зрения – по преимуществу личная, скорее сухая и краткая выписка из его жизни; все-таки записки – весьма полезны»¹⁰. Гораздо строже оценил эти записки анонимный критик «Искры», заявлявший, что «они бесцветны, холодны, не носят на себе животрепещущих следов той жизни, которую они изображают; это потому, конечно, что они писаны не под непосредственным влиянием этой жизни, а спустя долго после описываемых в них событий, в виде обзора прожитого воспоминания о прошлом»¹¹. Сам Дмитриев на страницах своих записок отчасти подтверждал правоту последнего высказывания. «Слишком шестидесяти лет, я решился описать *некоторые события*», – писал он 20 июля 1823 года¹².

П. А. Вяземский, один из ближайших людей в окружении Дмитриева, замечал, что свои мемуары последний «писал в мундире»¹³, добавляя, что к ним «должно приложить словесные прибавления, заимствованные из разговоров, обыкновенно откровенных, особливо же в избранном кругу»¹⁴. Следовательно, говоря словами Н. Барсукова, мемуары Дмитриева представляют только скелет его живых разговоров. А «разговоры Дмитриева, – писал П. А. Вяземский в письме сыну Н. М. Карамзина, Владимиру Николаевичу, – были более личные и анекдотичные. Он все помнил о себе: живо помнил то, что видел, и живописно обрисовывал действия и лица, которых знал и встречал. Разговор его был живые записки со всею их современною обстановкою»¹⁵. Вяземский подметил в Дмитриеве и другую характерную особенность: «...на письме он никогда не только не проговаривался, но редко и договаривает. Конечно, и в недосказанном сказано много. Слова его не обильны, но полновесны»¹⁶.

Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрим некоторые эпистолярные и мемуарные источники и постараемся выяснить, какую связь мог иметь Дмитриев с тем проявлением духовной культуры русского общества на рубеже XVIII–XIX веков, каким являлось масонство.

¹⁰ Книжный Вестник. 1866. № 18–19 (15 октября). С. 367–372.

¹¹ Искра / Под ред. Вл. Курочкина. 1866. № 47. С. 613.

¹² Дмитриев И. И. Сочинения : в 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 1. Курсив здесь и далее мой (Е. Б.)

¹³ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. IX. С. 36.

¹⁴ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. СПб., 1898. С. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1882. Т. VII. С. 136.

Известно, и Дмитриев сам об этом пишет в записках, что литературный путь его начался с выхода в свет стихотворной «Надписи к портрету князя Антиоха Димитриевича Кантемира» («Се князь изображен Молдавский Кантемир...»), которая была опубликована в 15 номере журнала «Санктпетербургские ученые ведомости»¹⁷. Этот журнал издавался Н. И. Новиковым и «Обществом, из нескольких человек состоящим» на средства книгопродавца К. В. Миллера¹⁸. В состав «Общества» входил и М. М. Херасков, живший с 1770 года в Петербурге и игравший определяющую роль в этом издании.

В том же номере издатели поместили несколько стихотворений-надписей, сопровождавшихся анонимным автокритическим письмом, присланным из Твери. Их автором был сержант Измайловского полка Михаил Никитич Муравьев, в то время находившийся в Твери в отпуске. По возвращении в конце июля 1777 года на службу в Петербург Муравьев через Хераскова (давнего своего знакомого и наставника, бывшего во времена его обучения директором Московского университета) познакомился с Новиковым. Последний пригласил его к сотрудничеству в журнале «Утренний свет» и к переводам иностранных произведений, а его отца, Никиту Артамоновича, просил быть своим комиссионером по распространению этого журнала среди тверских читателей. В скором времени по приезде Муравьева в Петербург произойдет его знакомство в придворном театре с Дмитриевым. Сохранились письма М. Н. Муравьева к отцу за 1777–1778 годы, в которых он подробно, с фактографической точностью описывает свою жизнь в Петербурге, встречи с Н. И. Новиковым, М. М. Херасковым, Я. Б. Княжнинным и др.¹⁹ Здесь содержатся также ценные свидетельства о том, каким образом происходило вовлечение тех или иных молодых людей в переводческую и издательскую деятельность Новикова²⁰.

¹⁷ Санктпетербургские ученые ведомости. 1777. № 15 (14 апреля). С. 117.

¹⁸ Н[овиков Н. И.]. Предисловие // Санктпетербургские ученые ведомости. 1777. № 1 [6 января]. Об издании их также см.: *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 274–275.

¹⁹ Письма М. Н. Муравьева к отцу и сестре 1777–1778 годов / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западава // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259–354.

²⁰ Сведения о принадлежности Муравьева к масонству отсутствуют. Л. И. Кулакова писала, что, несмотря на попытки Новикова путем разговоров о самопознании, об истинном христианстве, склонить Муравьева к обществу не удалось, даже «несмотря на близость к В. И. Майкову, М. М. Хераскову, Н. И. Новикову, прошедшую через всю жизнь дружбу с И. П. Тургеневым» (*Кулакова Л. И.* Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева // XVIII век :

Из мемуаров Дмитриева известно, что со времени опубликования его первого стихотворения он стал усердно заниматься литературой, начались первые его опыты «в рифмовании». Далее он признается, что «рифмование» не мешало ему заниматься и переводами с французского языка небольших прозаических сочинений²¹. О его переводческой деятельности имеется несколько свидетельств. В биографическом очерке, посвященном Новикову, А. Н. Афанасьев указал, что «к кружку Новикова принадлежало много талантливых молодых людей, в том числе и Карамзин <...> Подобные работы поручал Новиков и другим молодым людям, между которыми были И. П. Тургенев²², В. С. Подшивалов, П. И. Страхов, А. А. Петров, друг Карамзина и известный впоследствии И. И. Дмитриев»²³.

Афанасьев ссылается в данном случае на заметку «Нечто о Н. И. Новикове» автора, скрывшегося под инициалами «Н. И. П.»²⁴. Заметка была помещена в журнале «Отечественные записки» за 1840 год, где сказано: «Я много слышал о Николае Ивановиче, начиная от старца – букиниста, Петра Егорова, до Ивана Владимировича Лопухина <...> также много слышал от П. П. Бекетова и И. И. Дмитриева, которому он задавал переводы с французского языка. Новиков, – рассказывал И. И. Дмитриев, – одобрив мой перевод, отсылал меня к московскому обер-полицеймейстеру Лопухину, который среди суда и расправы полицейских, прочитывал при мне мою тетрадь, и разрешал печатанием. Однажды князь Лопухин и я смешили покойного императора Александра I-го рассказом об этой старине, и с тех пор князь называл себя моим цензором»²⁵.

В эти воспоминания вкралась ошибка. Упомянувшийся в отрывке «князь Лопухин» есть не кто иной, как светлейший князь Петр Васильевич Лопухин (1753–1827). Это тот вельможа, который в александровское время с 1803 по 1809 год был министром юстиции и генерал-прокурором Сената, в дальнейшем стал председателем Государственного совета и Комитета министров. С 1779 по 1783 год он действительно был обер-полицей-

сб. 11. С. 21). А. И. Серков заносит имя Муравьева в словарь «Русское масонство. 1731–2000 гг.» (М., 2001. С. 565), хотя и ставит напротив его фамилии вопрос.

²¹ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 37.

²² Скорее всего, имя указано ошибочно: следует читать «П. П. Тургенев». Петр Петрович Тургенев (1760–1830) – младший брат И. П. Тургенева. О нем см.: Макарова Н. Я. Тургенев П. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 292–293.

²³ Афанасьев А. Н. И. Новиков : биографический очерк // Библиографические записки. 1858. № 6. С. 173.

²⁴ По-видимому, Н. Д. Иванчин-Писарев.

²⁵ Н. И. П. Нечто о Н. И. Новикове // Отечественные записки. 1840. Т. 8 : Смесь. С. 6–7.

стером (в должность которого входили и цензорские обязанности), но только не Москвы, а Петербурга, что вполне соотносится с биографией и Дмитриева, и Новикова. В 1784 году его назначали московским гражданским губернатором, и в течение последующих девяти лет он исполнял эту должность. Это о нем писала Екатерина II 19 февраля 1790 года в письме к московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому: «Дошли здесь слухи, что все управление тамошнее, в том числе и полиция пришли в слабость, что известная шайка людей обществу вредных под именем мартинистов умножается и что губернатор московский генерал-майор Лопухин сам в числе таковых суеверных и заблужденных людей находится»²⁶. По иронии судьбы, московский губернатор князь П. В. Лопухин в январе 1786 года будет производить следствие над книгами, изданными Новиковым и Типографической компанией, и об этом лично докладывать императрице²⁷.

Деятельность Лопухина в качестве цензора Дмитриева подтверждал Вяземский в статье, написанной вскоре после выхода в свет «Взгляда на мою жизнь». Рассказывая о беседе с Дмитриевым во время обеда, проходившего 15 июня 1833 года, он передает один эпизод из рассказа поэта: «Во время коронации императора Николая князь Лопухин спрашивает Дмитриева: а помнишь ли, как ты прихаживал ко мне с тетрадкою перевода в руке? Лопухин был тогда петербургским полицмейстером, а вследствие того и цензором. Бывало, – говорит он, – только что прочтешь кое-как рукопись и подпишешь разрешение к напечатанию, не опасаясь никакой ответственности: а теперь что за важная должность цензора. – Тут описывает Дмитриев аудиенцию Лопухина: Частные приставы подходят к нему один за другим <...> Лопухин слушает доклады и, прищуриваясь, дает решение свое. Между тем я стою в углу и ожидаю своей очереди. <...> Лопухин был цензор снисходительный: он знаком был с философией 18 века. В письмах его к отцу моему, князю Андрею Ивановичу, встречаются нередко цитаты из Дидерота и других писателей»²⁸.

Что касается прозаических переводов Дмитриева, то их известно немало. Это объясняется тем, что в XVIII веке они печатались анонимно или подписывались криптонимами, что было характерно для многих литераторов того времени. Первым известным опытом Дмитриева в переводах, вероятно, следует считать перевод с французского языка небольшой главки из «Картин Парижа» Л. С. Мерсье – «Философ, живущий у хлебного рын-

²⁶ Русский архив. 1872. С. 533–534.

²⁷ Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.: Л., 1951. С. 580–584.

²⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений ... Т. VII. С. 166–167.

ку», напечатанный им в 1786 году. В этой главе излагалась суть политической концепции просветителей – их учение о просвещенном монархе. Возникает вопрос: был ли выбор отрывка из этой книги для Дмитриева случайным или же он взял его по чьему-то совету? И кто был советчиком? Вопрос этот остается без ответа. Мы можем только строить свои предположения, опираясь на уже известные факты. Но хорошо известно, что Н. И. Новиков почти всегда лично вел переговоры с авторами и переводчиками, заказывал нужные издательству переводы, просматривал рукописи и определял их пригодность к печати.

О влиянии Новикова на Дмитриева говорит Н. Д. Иванчин-Писарев²⁹, который входил в число ближайших знакомых Дмитриева и которому поэт читал многое из своих мемуаров. В письме Вяземскому от 15 октября 1837 года он рассказывал о первых шагах Дмитриева в литературе: «Там (в записках. – Е. Б.) быт Цыбранского отрока; там и первое стремление отрока-писателя и поэта, *ободряемое стариком Новиковым*; там первые опыты его в состязании с Тибулом в нежности, с Горацием в высоком и философическом, с Лафонтеном в легком и игривом»³⁰. О том же, хотя и косвенно, говорит А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 2 июня 1830 года: «Переспросите у Дмитриева, как хаживали поэты и литераторы-переводчики к Новикову и получали не одно одобрение»³¹.

О переводах Дмитриева есть любопытное свидетельство в собрании бумаг Поленова. Это рукописный «Биографический словарь с краткими сведениями о писателях XVIII в.»³², в котором находим запись неизвестного автора (возможно, В. А. Поленова) о «Дмитриеве, Иване Ивановиче, лейб гвардии капитане и поручике». Эта запись выполнена в промежуток времени с 1 января 1793 года до 1 января 1796 года. Первая дата соответствует времени присвоения ему чина капитан-поручика, а вторая – чина капитана³³. Приведем запись о поэте полностью: «Все его стихотворения тон-

²⁹ О нем см.: Зорин А. Л. Иванчин-Писарев Н. Д. // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 3. С. 391–392. О близости Иванчина-Писарева к Дмитриеву говорит факт, что одно из последних поэтических произведений Дмитриев посвятил его жене: «К Николаю Дмитриевичу И. Писареву. Вписанный в альбом молодой супруги его Натальи Сергеевны» (1836).

³⁰ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1901. № 4. С. 248–249.

³¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3 : Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836 гг. С. 202.

³² ОР РНБ. Ф. 595. Архив В. А. и Д. В. Поленовых. № 132.

³³ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. : библиографический сб. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 246.

каго и нежного вкуса. Писесы прелестны; сказочки чрезмерно хороши. Его сочинения печатаны в Московском журнале под буквою И. Желательно, чтобы поэт издал свои сочинения, коих у него довольно, сим бы доставил он публике удовольствие и молодым писателям подал бы изящный образец. Сверх его стихотворных сочинений *множество* находится *переводов*, кои показывают в нем отменнаго знатока нашего языка. Однако же по скромности своей ни под одним он не означал своего имени»³⁴. Как следует из записи, И. И. Дмитриев к 1790-м годам достиг в переводческой деятельности значительных успехов.

Все приведенные факты убеждают нас в том, что авторское становление молодого Дмитриева началось в конце 70-х годов XVIII века со знакомства с Н. И. Новиковым, который предложил ему переводить различные сочинения, преимущественно с французского языка.

Стоит отметить и последующее сотрудничество с книгопродавцем Миллером, на средства которого издавались «Санктпетербургские ученые ведомости». Карл-Вильгельм Вилимович Миллер в 1773 году совместно с Н. И. Новиковым основал «Общество, старающееся о напечатании книг», а позже являлся ближайшим сотрудником Новикова по распространению в Петербурге изданий, напечатанных последним в типографии Московского университета. В дальнейшем Дмитриев, следуя собственному опыту, советовал Карамзину показать свой первый опыт – перевод с немецкого «Разговор Австрийской Марии Терезии с нашей императрицею Елисаветою в Елисейских полях» – Миллеру, «который покупал и печатал переводы, платя за них <...> книгами из своей книжной лавки»³⁵. Книга с переводом Карамзина не сохранилась (вероятно, он и не был напечатан). К. В. Миллер состоял в масонском братстве, являясь членом масонской ложи Равенства, работавшей в Петербурге с сентября 1774 года³⁶. Новиков не раз посещал собрания этой ложи. Свидетельство об участии Миллера в масонских работах есть в дневнике А. Я. Ильина, 21 марта 1776 года запи-

³⁴ ОР РНБ. Ф. 595. № 132. Л. 9.

³⁵ *Дмитриев И. И.* Взгляд ... С. 39.

³⁶ *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000 гг. ... С. 954. В ложе Равенства в степени мастера состоял старший брат А. А. Петрова, друга Н. М. Карамзина, Иван Андреевич. В марте 1793 года, после смерти А. А. Петрова, Карамзин обратится к Дмитриеву с просьбой хлопотать перед И. А. Петровым о возвращении ему собственных писем к его скончавшемуся брату. Факт знакомства Дмитриева и И. А. Петрова не вызывает никакого сомнения, но сведения о том, где и когда они могли познакомиться, отсутствуют. (*Карамзин Н. М.* Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 34–35).

савшего: «...был у Миллера и у него взял песни масонския, подаренныя вчераш мне Николаем Ивановичем Новиковым»³⁷.

В тот период, когда Дмитриев, «ободряемый Новиковым», делал первые шаги в переводах, в Петербурге находилось большинство тех, кто спустя несколько лет стали ближайшими сподвижниками Новикова в его творческой деятельности: А. М. Кутузов, В. В. Чулков, И. П. Тургенев, М. М. Херасков, Н. Н. Трубецкой, А. А. Черкасский. Все они в то время были членами петербургских лож: Астреи, Латоны, Гарпократа и Озириса. В 1779 году они вслед за Новиковым переселяются в Москву и займутся организацией литературной, переводческой, издательской и благотворительной деятельности и окажутся ядром того сообщества, которое принято называть московским кружком масонов.

С большой долей вероятности можно предположить, что знакомство Дмитриева с этими людьми, основным костяком окружения Новикова, состоялось в Петербурге в конце 1770-х годов. Он упоминает их на страницах своих записок, особо отмечая И. П. Тургенева, И. В. Лопухина, Ф. П. Ключарева и А. М. Кутузова. Можно предположить, что их труды, осуществлявшиеся в рамках просветительской деятельности Н. И. Новикова и всего кружка московских масонов, были непосредственно связаны с литературными занятиями молодого Дмитриева.

В своих записках Дмитриев довольно подробно рассказывает о книгоиздательской деятельности и просветительских предприятиях Новикова и его кружка, и в частности о Дружеском ученом обществе³⁸. «Цель Новиковского общества, – замечал М. Н. Лонгинов, – состояла в переводе полезных книг с разных языков, издании их и оригинальных сочинений, распространении просвещения, направлении воспитания юношества и раздаче разных пособий бедным»³⁹. Хотя внешне это общество не было похоже на масонское объединение, членами его могли стать лишь вольные каменщики. Примечательно упоминание Дмитриева о том, что члены общества «общего согласия носили явно кафтаны одинакого покроя и цвета, голубые с золотыми петлицами»⁴⁰, что, скорее всего, было связано с масонской символикой.

³⁷ [Ильин А. Я.] Из дневника масона. 1775–1776 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 4. Отд. 4. С. 11.

³⁸ См. о нем: Материалы для истории Дружеского Ученого Общества 1782 г. // Русский архив. 1863. 2-е изд. М., 1864. Стлб. 610–620.

³⁹ Лонгинов М. Н. Филантропическое издание Типографической Компании (1786) // Современник. 1857. Т. LXVI. № 8. Отд. 5. «Библиографические записки». С. 13.

⁴⁰ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 44.

Нелишне будет напомнить, что на средства членов Общества в 1779 году при Московском университете была учреждена Педагогическая семинария с целью подготовки студентов к учительскому и профессорскому званию. В июне 1782 года для подготовки переводчиков, столь нужных для все более расширявшейся масштабы издательской деятельности московских масонов, была основана Переводческая семинария. Воспитанники обеих семинарий тщательно отбирались из Киевской и Московской духовных академий, из духовных семинарий, а также из числа «своекоштных» студентов Московского университета. Они обучались в университете и содержались на средства Дружеского общества. Многие из воспитанников семинарий приняли впоследствии участие, в том числе и литературными трудами, в деятельности розенкрейцерского кружка. В числе их были А. А. Петров, А. А. Прокопович-Антонский, М. И. Багрянский, А. Ф. Малиновский, П. П. Тургенев, М. И. Невзоров.

Для размещения семинаристов членами общества был куплен на имя И. В. Лопухина особый дом близ Меньшиковской башни (там жил с этого времени И. Г. Шварц с семьей)⁴¹. В нем проживали хорошо знакомый Дмитриеву А. А. Петров и приехавший в 1783 году из Симбирска Н. М. Карамзин, которые активно включились в переводческую деятельность общества. Дмитриев в записках упоминает о посещении этого дома «у Меньшиковской башни, в старинном каменном доме»: «Я как теперь вижу скромное жилище молодых словесников <...> стоял на столике гипсовый бюст мистика Шварца, умершего незадолго пред приездом моим из Петербурга в Москву»⁴². Известно, что И. Г. Шварц умер 17 февраля 1784 года. Соответственно Дмитриев мог приехать в Москву не ранее второй половины февраля или же в марте месяце.

Выскажем осторожное предположение, что не исключено присутствие Дмитриева на торжественном собрании воспитанников Московского университета, посвященном памяти И. Г. Шварца и проходившем 26 марта, на

⁴¹ По всей вероятности, при принятии решения разместить две семинарии в доме, где будет жить их наставник Шварц, члены новиковского кружка следовали тому положению, которое было изложено издателем журнала «Утренний свет» в комментариях к переводу трактата «Феагес, или Разговор о мудрости». В них говорится: «Вот четыре степени просвещения, смотря по приближению к мужам мудрым. Нечто в себе заключает, когда в одном с ним доме живем; но еще важнее, когда в одной с ним комнате находимся; а гораздо превосходнейшую имеем пользу, ежели всегда устремляем на них взоры наши, дабы ни единого из их слов не проронить; но самое величайшее благо состоит в том, когда бываем подле них, или так сказать, когда к ним прилеплены» (Утренний свет. Ежемесячное издание. 2-е изд. 1785. Ч. 4. С. 170).

⁴² Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 42.

40-й день после его смерти. На этом собрании среди выступавших со стихами и речами были воспитанники Дружеского ученого общества: А. Ф. Лабзин и В. С. Подшивалов. Последний был одним из учеников И. Г. Шварца, который поручал ему различные переводы с французского и немецкого языков, в основном нравоучительного содержания. Он участвовал в издававшихся Новиковым журналах: «Вечерняя заря», «Покоящийся Трудолюбец» и являлся, наряду с А. А. Петровым, Н. М. Карамзиным, А. А. Прокоповичем-Антонским, одним из ведущих сотрудников журнала «Детское чтение для сердца и разума». Впоследствии в своем журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798) Подшивалов публиковал стихотворные произведения И. И. Дмитриева. Когда в 1795 году под наблюдением Карамзина печаталось первое собрание сочинений Дмитриева «И мои безделки», Подшивалов во время временного отсутствия Карамзина в Москве взял на себя корректуру сборника⁴³. Он же, не уведомив Карамзина, заплатил за печатание этого сборника из собственных средств⁴⁴. Его имя А. И. Серков вносит в словарь «Русское масонство», но напротив его фамилии ставит вопрос⁴⁵.

Рассказывая о своем посещении дома Дружеского ученого общества, Дмитриев указывает, что там он вместе с Карамзиным и Петровым «прожил недолго вместе», и до отправления Карамзина в путешествие за границу они «еще несколько раз встречались в Москве»⁴⁶. О подобной встрече в доме у Меньшиковской башни Дмитриев упоминает в письме брату И. П. Бекетову в августе 1787 года и рассказывает, как он 25 августа «остальную часть дня пробыл у Карамзина вместе с его товарищем Петровым и Тургеневым, а теперь только приехал на квартиру, то есть в дом Василия Борисовича Бест[ужева], у которого я уже давно живу»⁴⁷. Этот пример позволяет говорить о неоднократном посещении Дмитриевым дома Дружеского общества. Стоит особо отметить, что в записках Дмитриев упоминает «библиотеку Филантропического общества»⁴⁸, находившуюся в том же

⁴³ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 53–55.

⁴⁴ Там же. С. 58–59.

⁴⁵ Серков А. И. Русское масонство 1731–2000 гг. ... С. 649.

⁴⁶ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 43.

⁴⁷ Дмитриев И. И. Сочинения ... Т. 2. С. 178.

⁴⁸ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 47, 276.

доме⁴⁹. Книги из нее выдавались как «адептам», то есть членам масонских лож, так и «всем приближавшимся». Хранившиеся в ней иностранные книги использовались и в качестве подлинников для русских переводов, опубликованных Новиковым.

Из московских масонов, которых упоминает Дмитриев в своих мемуарах, на одно из первых мест следует поставить имя его земляка И. П. Тургенева, одного из главных переводчиков и редакторов выпускавшихся Новиковым изданий. С Тургеневым у Дмитриева сложились особые дружеские отношения. Между ними даже существовала переписка (к сожалению, не сохранившаяся), посредником которой нередко выступал Карамзин. В конце 1790-х – начале 1800-х годов, переселившись после отставки в Москву, Дмитриев нередко посещал Тургенева, ставшего к тому времени директором университета. И. А. Второв вспоминал, что когда он в 1801 году приехал в Москву и посетил дом И. П. Тургенева, то перед ним открылась такая картина: «...хозяин сам почти не вставал с постели от болезни; с ним беседовали друг бедных – Иван Владимирович Лопухин и лучший поэт наш – Иван Иванович Дмитриев, которых я видел в первый раз»⁵⁰. Далее И. А. Второв указывает, что в доме Тургенева присутствовал и М. И. Невзоров, бывший воспитанник Дружеского общества и один из тех, кто был послан за границу в 1788 году на средства Общества для «усовершенствования в науках», и который в 1792 году был арестован в связи с делом о московских масонах. Об И. В. Лопухине Дмитриев писал в июле 1816 года в письме А. И. Тургеневу: «Искренно разделяю с вами чувство потери И. В. <Лопухина> и всегда с уважением вспомню имя его»⁵¹.

Кроме дома И. П. Тургенева Дмитриев в конце 1790-х – начале 1800-х годов часто посещал также М. М. Хераскова – одного из масонов, влиявших на всю деятельность московского кружка в конце XVIII века. Знакомство с ним Дмитриева началось в Петербурге и продлилось до последних дней жизни Хераскова. Жена его, Елизавета Васильевна, «в последние десятилетия жизни находилась под сильным влиянием масонских настроений мужа и была связана с членами новиковского кружка»⁵². М. Н. Лонгинов отмечал: «Он <М. М. Херасков> и достойная жена Елизавета Васильевна с

⁴⁹ См.: *Мартынов И. Ф.* Библиотека Дружеского ученого общества и ее место среди русских книгохранилищ общественного пользования конца XVIII века // Из коллекции редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 90–101.

⁵⁰ Москва и Казань в начале XIX века: записки Ивана Алексеевича Второва // Русская старина. 1891. Т. LXX (апрель). С. 3.

⁵¹ Письма И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу (1806–1823) ... Стлб. 1085.

⁵² Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 363.

молодых лет до глубокой старости отличались тою горячею и бескорытною любовью к просвещению и литературе <...> Дом их всегда был открыт для всякого, кто имел стремление к предметам этого рода, и все молодые люди, преданные этим высоким интересам, составляли как бы семейство их. Херасков видел и ободрял первые попытки Богдановича и Фон Визина, потом Державина, впоследствии – Карамзина и Дмитриева»⁵³. После кончины супруга Е. В. Хераскова избрала Дмитриева вместе с Я. И. Булгаковым и князем Н. Н. Трубецким в свои душеприказчики.

О связях Дмитриева со многими масонами кроме приведенных отрывков из записок можно судить и по его письмам к разным лицам. Например, в письме А. И. Тургеневу от 1819 года Дмитриев, подтверждая получение книги Фомы Кемпийского в переводе М. М. Сперанского, писал: «Фома Кемпейский давний мой знакомец: я читал его еще в цветущих моих летах, во времена Типографической в Москве Компании. Тогда, помнится, было два перевода: один в Христианской Библиотеке, а другой напечатан особо»⁵⁴. Речь в письме идет о двух изданиях перевода с латинского известного и почитавшегося в среде масонов произведения Ф. Кемпийского «О подражании Иисусу Христу». «Особо напечатанный» перевод был выполнен Ф. Ф. Розановым и издан в 1784 году⁵⁵. Ему предшествовал перевод, сделанный М. И. Багрянским для «Избранной библиотеки для христианского чтения» (1784; 2-е изд. 1786; 3-е изд. 1787)⁵⁶.

Наша попытка собрать воедино известные сведения о знакомстве Дмитриева с основными деятелями русского масонства конца XVIII – начала XIX века показывает, что на ранних этапах творчества Дмитриева связывали дружеские узы не только с Н. И. Новиковым и старшими членами московского масонского кружка 1780-х годов, но и с его молодыми представителями – сверстниками Дмитриева, воспитанниками Дружеского учебного общества, которые впоследствии тоже стали масонами. Судя по всему, Дмитриев не мог не знать идеологии масонства. Другое дело, разделял он ее или нет? У нас нет достаточных данных для того, чтобы утверждать это. Но, во всяком случае, осторожно можно предположить, что он проявлял к идеологии масонства некий интерес. И, наконец, остается нерешенным во-

⁵³ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 119.

⁵⁴ Письма И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу (1806–1823) ... Стлб. 1114.

⁵⁵ О подражании Иисусу Христу четыре книги, или Фомы Кемпскаго Златое сочинение для христиан, с латинскаго языка вновь переведенное и исправленное, к которому присовокуплена и жизнь сего изящнаго автора с описанием всех его сочинений. М., 1784.

⁵⁶ Об издании сборника «Избранная Библиотека для христианского чтения» см.: Лонгинов М. Н. Филантропическое издание Типографической Компании (1786)...

прос о влиянии братства на личность и творчество Дмитриева. Будем надеяться, что дальнейшее изучение творчества поэта даст дополнительный материал, который с определенной долей уверенности сможет ответить и на поставленный в начале этой статьи вопрос: случайным ли был интерес Дмитриева к масонским песням.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010